

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму, -
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единый круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую:
Выбирали большего атамана,
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молодые Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцев:
«А идтить нам, братцы, дорога неближняя,
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет, или кто солжет,
Али кто пустится на женский блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, -
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-то заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман – Касьян сын Михайлович,
Податаманья – брат его родной,

Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики во Ерусалим-град,
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Череги,
На его потешных на островах,
У великого князя Владимира.
А и вышли они из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь,
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
Лисиц, зайцев всех поганивает.
Пригодилось ему ехать поблизости,
Завидели его калики тут перехожие,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом.
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачился,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сема стал пересемывать.
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцев;
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душа спасти.

Отвечает им ласковый Владимир-князь:

«Гой вы еси, калики перехожие!

Хлебы с нами завозные,

А и денег со мною не годилось,

А и езжу я, князь, за охотою,

За зайцами и за лисицами,

За соболи и за куницами,

И стреляю гусей, белых лебедей,

Перелетных малых уток.

Изволите вы идти во Киев-град,

Ко душе княгине Апраксевне,

Честна роду дочь, королевична,

Напоит, накормит вас, добрых молодцов,

Наделит вам в дорогу злата, серебра».

Недолго калики думу думали,

Пошли ко городу ко Киеву.

А и будут в городе Киеве,

Среди двора княженецкого, -

Клюки-посохи в землю потыкали,

А и сумочки исподвесили,

Подсумочья рыта бархата,

Скричат калики зычным голосом.

С теремов верхи повалялися,

А с горниц охлупья попадали,

В погребях питья сколыбалися.

Становилися во единый круг,

Прошают святую милостыню

У молоды княгини Апраксевны.

Молода княгиня испужалася,

А и больно она передрогнула;

Посылает стольников и чашников

Звать калик во светлу гридню

Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами –
Хлеба есть во светлу гридню,
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую;
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна,
Поджав ручки, будто турчаночки, -
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее
От лица его молодецкого,
Как бы от солнучка от красного
Лучи стоят великие.
Убирались тут всё добры молодцы,
А и те калики перехожие,
За те столы убраные
А и стольники, чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников,
Понесли-то ества сахарные,
Понесли питья медвяные
А и то калики перехожие
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарные,
А и те ведь пьют питья медяные.
И сидят они время – час, другой,

Во третьем часу подымались,
Подымавши, они Богу молятся,
За хлеб, за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгиня Апраксевны, -
Наделила б на дорогу златом, серебром,
Сходить бы во град Иерусалим
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешеньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожиих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгие вечера посидети,
Забавные речи побайти,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович, -
Замутилось его сердце молодецкое, -
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгие вечера
К молодой княгине Апраксевне
Забавные речи байти.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешеньку Поповича
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.

Алеша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора;
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики – не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева, -
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши вежество нерожденное,
Он стал с каликами здорити,
Обличает ворами, разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадете, своим зовете;
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешенька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольный Киев-град.
Во то же время и во тот же час Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна

Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем,
Втапору Добрынюшка не ослушался,
Скоро доехал во чисто поле.
У Добрыни вежество рожденое и ученое;
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович!
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупого».
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единый круг,
И велел он друг друга обыскивать
От малого до старого,
От старого и до больша лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде-то чарочка не явилася,
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его, молодые Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую:
Закопали атамана по плеча,
«Закопали» во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Микитичу,
И с ним написан виноватый тут,
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики в Ерусалим-град;

Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено,
Молода Касьяна сына Михайлова.
А с того время-часу захворала она,
«Захворала» скорбью недоброю,
Слегла княгиня в великое во огноище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися.
А всё-то молодцы отправили:
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву,
И ко ласкову князю Владимиру.
А идут назад ужо месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою его.
Молода Касьяна Михайловича
Голосок наносит помалехоньку.
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать;
Подалися малехонько и увидели

Молода Касьяна сын Михайлович^а, -
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат его,
Михайла Михайлович;
Пришли все они, поклонились,
Стали здоровствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложились,
С ним поцеловались,
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда;
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,
Не могут зрить добры молодцы;
А и кудри на нем молодецкие
До самого пояса.
И стоял Касьян немало число,
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру;
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохоньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них.
Посылает легкого молодчика
Доложиться князю Владимиру:

«Прикажет ли идти нам пообедати?»
Владимир-князь пригодился в доме,
Посылал он своих клюшников, ларешников
Побить челом и поклониться им-то, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники, ларешники
Пришли они к каликам, поклонились,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкий двор,
Среди двора княженецкого.
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молодой Касьян Михайлович:
Спросил князя Владимира
Про молодую княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?»
Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю другу не ходим к ней!»
Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальну к ней;
А и князь идет, свой нос зажал,
Молоды Касьяну-то ничто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые.
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович

А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну;
Не стало у ней того духу пропасти, -
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую:
Захотелось ей – и пострада^{ла} она,
Лежала в сраму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолилися Спасову образу
Со своими каликами переходжими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить, есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и то калики напивалися,
Напивалися и наедалися.
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из пропасти;
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тут же к ним к столу пришла –
С няньками, с мамками
И с сенными красными девицами.
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда, без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает

По тем ествам сахарным,
Крестом ограждает, благословляет;
Пьют, едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал:
«Что много мы, братцы, пьем, едим, прохлажаемся,
Уже третий день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти».
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксевной
За хлеб за соль его.
И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксевною.
Собрались они и в путь пошли –
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.